

Е. А. Кайсаров¹

«ВОСТОКО-ЗАПАД» В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Российская цивилизация изначально формировалась в условиях «пограничности» между Европой и Азией, на перекрестке великих культур и религий Запада и Востока. Н. А. Бердяев писал: «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира»². Евразийцы в своих трудах отмечали воздействие на русскую культуру и западной, и южной (преимущественно византийской), и восточной культур. На разных этапах исторического развития России на авансцену выступала одна из трех линий социокультурной ориентации: в период Киевской Руси — византийская, в столетия татаро-монгольского ига — восточная, со времен Петра — западная. При этом русская культура не просто впитывала все эти элементы, но и синтезировала их в целостность. Особое место в культурно-историческом развитии евразийцы отводили роли «азиатского элемента» — степной стихии, дающей мироощущение «континента-океана». Азиатское воздействие глубоко проникло в ткань русской политической культуры, впитавшей в себя централистско-деспотическую организацию государства, подчинение общества государству, стремление к экспансии. Сильно повлияли на Россию бытовой уклад степного Востока (не только монгольского, но и скифо-сарматского) и психологическая установка на коллективность. Д. С. Лихачев считал, что культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока. Именно на этой основе, на многонациональной почве, она выросла в своем своеобразии. Русская культура открыта к восприятию других культур, их объединению, изучению, сохранению и отчасти ус-

воюю. Характерной ее чертой он считал «вселенскость», «универсализм»³.

Срединное положение России между цивилизациями Запада и Востока чревато не только «всеединством», но и драматическим расколом, популяризацией целого, что придает менталитету нашей цивилизации качество «смысловой неопределенности». Зыбкий баланс противодействующих сил в рамках условного целого реализуется через конструкцию «взаимопора» — способа взаимосвязи полярных начал через бинарную систему сдержек и противовесов. Подобное «равновесие» противоположностей весьма непрочное. Можно говорить о социодинамической напряженности в системе, поддерживающей в культуре установку на ожидание внезапных и резких перемен, готовность к разрушительной смене исторических парадигм, коренным образом меняющих культурную жизнь и социальную организацию цивилизации. Склонность русской культуры и российской цивилизации к «взрывным ситуациям» и состояниям, что подтвердили события XX века, — труднопреодолимая черта, коренящаяся в глубинах цивилизации⁴. «Вообще говоря, — писал С. С. Аверинцев, — всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей... Чем выделяется ранневизантийская культура, так это тем, что в ее кругу крайности особенно контрасты, а их приведение к единству особенно парадоксально»⁵. Сказанное еще в большей мере относится к России — наследнице византийской цивилизации. «Взрывные ситуации» означают завершение одного цикла в развитии русской культуры и зарождение и подъем нового. Первым знаком становления новой культурно-исторической парадигмы стал религиозный раскол, но в полной мере процесс динамичного цивилизационного развития России развернулся в рамках петровских культурных реформ. Петр отлично понимал, что без резкого рывка, необходимого для преодоления экономической

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44.

³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2015. С. 58–59.

⁴ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 542–549.

⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 239.

и культурной отсталости, Россия не выстоит под ударами противников и будет отброшена на задворки мировой истории. Обращение к светской культуре западно-европейского Просвещения должно было способствовать подъему страны, формированию нового облика культуры. Светский тип культуры стал складываться среди сравнительно узкого круга людей — в него входили главным образом представители дворянской элиты, а также обрусевшие иностранные специалисты и люди «из народа», сумевшие благодаря своим способностям добиться успехов в науке, технике, искусстве, государственной службе. Большинству населения страны — крестьянству, ремесленникам, купечеству, духовенству — новая, вобравшая в себя достижения европейского Просвещения культура осталась чуждой. Народ продолжал жить старыми верованиями и обычаями, Просвещение его не коснулось. Старый, допетровский тип культуры сохранил свое народное, деревенское, религиозное бытие и надолго застыл в почти изменившихся формах русской этнической культуры. А русская национальная культура, освоив достижения европейской науки, искусства, философии, в течение XVIII–XIX веков приняла форму господской, городской, светской, «просвещенной» и стала одной из богатейших национальных культур мира. Этот трагический разрыв между народом и просвещенным обществом исследователи связывают с постоборством Востока и Запада в русской культуре. Таким образом, русский «Востоко-Запад» не только соединяет два мира, как отмечал Н. Бердяев, но и разъединяет, разрывает, противопоставляет их.

Разрыв между этнической и национальной культурами наложил свой отпечаток на быт и нравы русского народа, социально-политическую жизнь, взаимоотношения между различными социальными слоями общества. В общественной мысли породил полемику между славянофилами и западниками. Он обусловил особенности русской интеллигенции, болезненно переживавшей свою оторванность от народных масс и стремившейся восстановить с ними связь. Процесс расхождения национального и этнического не был абсолютным. Он больше проявлялся в образе жизни «верхов» и «низов», отношении к науке и искусству, понимании и оценке явлений церковной, государственной, общественной жизни. В то же время классическая русская культура надстраивалась над своим этническим базисом. Так, классическая отечественная литература и музыка использовали фольклор, старинные народные напевы. Подобные явления были характерны не только для сферы культуры, но затрагивали и другие области общественной жизни. Несмотря на раскол и наличие двух механизмов культуры противоположной направленности, в петровское и послепетровское время еще долгое время сохранялись самодержавие и традиции восточного деспотизма, культурная консолидация русского дворянства, незабываемость основных принципов православия как государственной религии, имперские комплексы.

Эти процессы порождали мучительное балансирование цивилизации между сохранением ее внутренне-

го единства, целостности и их нарушением, расколом. Евразийская бинарность, которая является живым системообразующим фактором российской цивилизации, в XX веке обретает дополнительную напряженность. Здесь начинают действовать другие культурные механизмы. И. В. Кондаков приходит к выводу, что до начала XX века борются две тенденции — интегрирующая и дифференцирующая (центростремительная и центробежная) — в единой, хотя и противоречивой системе цивилизации. Победа в этой борьбе одной из двух поляризованных сил в принципе невозможна, потому что лежащее в ее основании противоречие являет собой источник социокультурного развития и основано на условном равновесии этих сил в обществе и культуре. В XX–XXI веках в силу вступает конфликт ультимативных установок. Либо единство и целостность культуры и цивилизации достигаются строжайшим отбором «приемлемых» ценностей, норм и запрещением, уничтожением, исправлением тех компонентов цивилизации, которые нарушают и искажают систему, либо происходит соединение предельных противоположностей (в том числе идеологических, политических, мировоззренческих) в рамках единой плюралистической модели культуры, на почве абсолютной толерантности, терпимости и доверия к любым мнениям. Компромисс между подобными ультимативными установками невозможен ни теоретически, ни практически. Но означает, что ситуация «культурного взрыва» сегодня не просто реальна, а остра как никогда ранее. Современная Россия переживает раскол и резкое расслоение общества, особенно болезненные после целостности толерантного строя в СССР. На фоне напряженного противостояния прототалитарных и антиталитарных сил в постсоветском российском обществе нарастают ностальгия по «добрым советским временам» и еще более глубокая архаическая тяга к целостности страны с ее апологией самодержавия, православия, народности, национальной однородности и культурной замкнутости¹.

Цивилизационное «распутье», на которое вышла посттоталитарная Россия на рубеже XX–XXI веков, не менее опасно и грозно, чем период Смутного времени рубежа XVI–XVII веков или период русской революции. Укоренившееся в ментальности нашей цивилизации непреодолимое качество «смысловой неопределенности» отдаст ее судьбу во власть случайностей и стечения различных обстоятельств.

Каким должен быть выход российской цивилизации из кризиса? Каковы ресурсы выживания и смыслового обновления? Ответы на эти вопросы находят в нескольких другой плоскости. В своей монографии А. П. Марков подчеркивает, что предельная неустойчивость системы в ситуации кризиса повышает роль концентрированного и целенаправленного «укола», способного перевести систему в новое качество. Адресом такого «укола» в современной ситуации является человеческий капитал России, воспитание и сохранение которого должно быть не простой задачей, но спасительной миссией государства, всех социально-культур-

¹ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 251–253.

ных институтов и здоровых сил общества. Ключевыми условиями выживания России становятся погружение в собственную духовную традицию, обретение будущего в неразрывной связи с пониманием ошибок траге-

дий и величия исторического прошлого¹. Все это придает возрастающую значимость приоритету духовно-нравственной составляющей в разработке сценариев выхода российской цивилизации из кризиса.

¹ *Марков А. П.* Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. СПб., 2017. С. 432.